

..... **КОНСОЛИДАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОКРАТИЙ** .....

В. С. Кот*

Академический интерес к изучению политических сообществ делает необходимым новое обращение к изменениям того, что американский политолог Дж. Рагги назвал в свое время «социальными эпистемами», т. е. знаниями людей как коллектива о себе и других, или иначе, интерессубъективными образами реальности [4, р. 157].

В последние пять столетий понятие «дом», если иметь в виду политическую организацию, предполагающую также наличие власти и привязанности со стороны жителей, стало означать прежде всего «национальное государство». Б. Андерсон рассматривает национальный «дом» как «воображаемое сообщество», поскольку «члены даже самой маленькой нации никогда не смогут узнать всех сограждан, встретиться с ними и даже услышать о них, тем не менее в мыслях каждого человека присутствует образ всего сообщества» [1, р. 15].

В политической сфере главной задачей, соответственно, становится формирование нации как осознание каждым гражданином своей принадлежности к единому народу, как формирование политического сообщества. Таким образом, речь идет о строго постепенном замещении субнациональной приверженности лояльностью и привязанностью к единой нации. Но в таком контексте и демократизация становится следствием интеграции нации. Если же демократизация процесса осуществления государственной власти имеет место до достижения единства нации, то возникает опасность дезинтеграции государства. В этом заключается одна из важнейших причин распада СССР, Югославии и ряда других стран.

Р. Даль неоднократно подчеркивал, что иностранный контроль или оккупация – сильное препятствие для демократизации. Так, наличие определенной доли конкуренции и военной угрозы со стороны соседних государств способствует процессу формирования национального государства, но слишком силь-

---

* Кот Виктор Степанович, кандидат политических наук, доцент Борисоглебского педагогического института.

ная и постоянная угроза извне ведет к централизации и милитаризации общества, если удастся избежать разрушения проекта государственного строительства вообще. Именно так произошло с Россией, которая, столетиями находясь в окружении противников, все же сумела устоять, но создала жесткое централизованное государство. В Европе ситуация была иной. Большинство проектов создания государств не выдержало давления и было снято с повестки дня. По существу, лишь некоторые государственные образования смогли сохраниться и превратиться со временем в национальные государства. Это говорит о том, какое важное значение для создания государства играет геополитический фактор.

Так, неплохие шансы на самосохранение имелись в государственных образованиях, расположенных высоко в горах, однако всегда сохранялся риск, что политические институты там будут носить несколько патриархальный характер. Это мы и можем наблюдать в Швейцарии. Те государства, которые пошли по пути «закрытости» и находились географически достаточно далеко от центров политики, столкнулись со стагнацией и сопротивлением всяким переменам. Именно это имело место в Китае. В Европе полная изоляция вообще была невозможной. В центре Европы вероятность завоевания более сильными соседями была очень велика – эта участь постигла большинство немецких княжеств. Институты не совершенствовались, а обычно просто уничтожались. Следствием подобного развития событий становились следующие негативные процессы и явления: недостаточная стабильность и преемственность; отсутствие веры в необходимость государственного строительства; недостаточное число королевских слуг, верящих в необходимость лояльности. Поэтому в таких условиях наилучшие возможности для сохранения оказывались у сильных милитаризованных государств типа Пруссии с крайне неразвитым демократическим этосом.

Немаловажным фактором в консолидации государств была также географическая близость к Римской церкви, означавшая возможность использования организации и ресурсов церкви как инструмента, а в ряде случаев даже помощника. В средние века, по мере удаления от Рима, уменьшалась вероятность вступления в конфликт с церковью, но и ресурсы церкви оказывались недоступными. С. Роккан назвал это «удаленностью от римского фактора».

Одной из важнейших теоретических и практических проблем, стоящих сегодня перед правительствами разнотипных государств, оказывается проблема внутренней консолидации и интеграции сообществ. Если в государствах авторитарного типа, опирающихся преимущественно на силовой контроль, постоянно возникает проблема нахождения определенного баланса между административно-насильственными действиями и пропагандистским влиянием во имя обеспечения легитимности власти, то в обществах демократического типа согласие и единство обеспечиваются несколько иными методами.

Из 19 наиболее развитых демократических государств лишь пять относятся к категории «фрагментированных и децентрализованных». К их числу Х. Виленски относит в основном страны, опирающиеся в своем развитии преимущественно на британскую политическую традицию. Это США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия. С определенной долей условности в эту же группу может быть отнесена Швейцария. Х. Виленски считает, что фрагментированные и децентрализованные демократии более уязвимы к давлению со стороны массовых обществ и их правительств. В то же время в этих странах рабочее движение так сильно децентрализовано, что позволяет правительствам более успешно осуществлять над ним контроль [5].

Еще один тип демократии – «корпоративистское государство». Иногда в качестве синонима употребляются понятия «концессуальная демократия» или «политическая экономия на основе переговоров». Такой тип государственного устройства предполагает взаимодействие централизованного правительства с другими секторами, также в большей или меньшей степени централизованными. К этому же типу демократий можно отнести Швецию, Норвегию, Финляндию, Бельгию, Нидерланды, ФРГ, а также отчасти Италию, причем степень централизации существенно различается. Швеция имеет умеренно децентрализованный характер, в то время как Нидерланды относятся к числу высокоцентрализованных стран – даже мэров городов назначает правительство. Рабочее движение, равно как и федерации работодателей, также централизованы. Можно привести пример Федеративной Республики Германии, в которой действует 16 мощных профсоюзов. Так, профсоюз металлистов «ИГ Металл» занимается координацией деятельности профсоюзов и имеет 3,5 млн членов, является важнейшим участником тройственного «политического торга» при определении политического курса правительства и в выборных кампаниях.

В этом случае складывается система «торга» среди множества групп интересов, причем экономический блок приобретает приоритетное значение. При этом происходит своего рода размывание границ между публичной и частной сферой, в сферу «торга» попадает очень широкий круг вопросов. Речь идет не только об уровне заработной платы, продолжительности рабочего дня и условиях труда, как это, например, происходит в США. «Торг» включает практически все вопросы современной социальной политики и политической экономии – инфляцию, платежный баланс, экономический рост, производительность труда, инвестиции и т.д. Эта практика, объединяющая за метафорическим «круглым столом» трех основных акторов – государство, предпринимателей и трудящихся, широко применяется в капиталистических обществах начиная с 1950 г.

Опыт ряда стран показывает, что концессуальная демократия обеспечивает более мирный порядок в обществе. Обычно уровень забастовочного движения в них существенно ниже, чем при других типах демократического устройства.

То же можно сказать и о специальных программах, направленных на снижение современных рисков в обществе. Однако подчеркнем еще раз – это возможно при мощном давлении и контроле над предпринимателями и государственной бюрократией со стороны структурированного движения трудящихся в рамках гражданского общества. Весьма показателен, например, опыт Дании – конституционной монархии с 1848–1849 гг. Но лишь к 1901 г. в этой стране завершилась борьба за ликвидацию права монархов назначать министров. Именно тогда впервые король назначил министров, опираясь на большинство в парламенте. В 1915 г. женщины получили право голоса, а с 1920 г. была введена пропорциональная электоральная система. И только в 1953 г. принцип парламентаризма был внесен в конституцию Дании. С конца XX столетия Дания считается «концессуальной демократией», сочетающей прагматическую политическую культуру с крайне низким уровнем конфликтности в обществе.

Система государства «всеобщего благоденствия» шаг за шагом формировалась с конца XIX столетия, что нашло свое выражение, помимо всего прочего, в широких полномочиях местных органов власти. Таким образом, датский путь к демократии начался довольно рано (по сравнению со многими другими государствами), носил поэтапный и постепенный характер.

В 1536 г. Дания стала лютеранской страной. По мнению датских исследователей Тима Кнудсена и Уффе Якобсена, «Реформация была наиболее важной исторической предпосылкой ранней грамотности, гомогенности и децентрализованного управления помощью бедным и позднее структуры „обеспечения благосостояния“ на Севере. Короче, если и существует нечто, достойное быть названным „Скандинавской моделью“, включая концессуальную и децентрализованную демократию и универсалистское „государство всеобщего благоденствия“, то оно базируется на Реформации» [3, р. 4].

По Роберту Далю, низкий уровень культурных конфликтов создает благоприятные условия для демократизации. На протяжении нескольких столетий королевство Дания было многонациональным государством, объединившимся в единое национальное государство в результате нескольких проигранных войн. При этом от Датского королевства отъединились Норвегия, Шлезвиг-Гольштейн, часть территории отошла к Швеции. Согласно Версальскому договору 1919 г. в пограничном районе был проведен референдум, в результате которого северная часть Шлезвига была возвращена Дании. Так, после 1920 г. Дания превратилась в мононациональное государство.

Уровень гомогенности датского населения был очень высок практически до последнего десятилетия XX в., когда появились группы иммигрантов и беженцев – так называемые новые датчане. Гомогенность предполагает не только единую национальность, но и единство верований. В 1973 г. 95 % населения принадлежало к государственной церкви. Дания уже более ста пятидесяти лет не знает никаких межнациональных или межконфессиональных конфликтов.

Не было никаких националистических проявлений, хотя уровень патриотизма был традиционно высок. Еще одним аспектом датской модели является ценность умеренности.

Датская идентичность, помимо всего прочего, была сформирована под влиянием знаменитого поэта-священника Грундтвига (1783–1872). В одной из поэм, известной ныне каждому датскому школьнику, говорится о том, что государство должно бороться не только с нищетой, но и с концентрацией слишком большого богатства в руках немногих. Аналога такого типа эгалитаризма и антиэлитизма практически нет нигде в мире. Так складывалась датская версия «хорошего общества», в котором государство призвано обеспечивать социальную безопасность для своих граждан, причем делать это не сверху, а снизу, через активное участие самих граждан в решении важнейших социальных и политических проблем. Проект «государства всеобщего благоденствия», таким образом, в датском варианте означает проект одной нации.

В научной литературе часто можно встретить утверждение, что наличие развитого буржуазного класса и капиталистического рынка также способствуют демократизации, это же утверждение обычно распространяется на свободных крестьян-землевладельцев. Такой вариант весьма типичен для некоторых прибрежных районов Западной Европы, в то время как низкий уровень урбанизации и наличие крепостничества создают низкий потенциал для демократизации.

Хотя уровень урбанизации в Дании был весьма высок уже в раннем Модерне, датские крестьяне еще в XVIII в. не имели земли. Однако они никогда не находились в наследуемой личной зависимости без каких-либо гражданских прав или прав на собственность (Leibeigenschaft). Среди крестьян существовала система взаимозависимости, которая распространялась и на землевладельца. Землевладельцы зависели от крестьян, поскольку 9/10 земли обрабатывалось арендаторами. Королевский указ 1682 г. запретил землевладельцам выгонять крестьян с их ферм. Иными словами, датский крестьянин, в отличие, например, от английского, не мог быть лишен права на свое наследство. Кроме того, существовала система государственного протекционизма по отношению к крестьянам, в немалой степени связанная с традиционно низким уровнем доверия между королем и аристократией. С 1780 г. начался процесс постепенных реформ, который в конце концов привел к возникновению класса независимых фермеров.

Либеральное движение в Дании, получившее развитие после 1830 г., не только выступало против абсолютизма, но и ратовало за свободу торговли. В Конституции 1849 г. ни разу не упоминалась демократия, но были гарантированы права собственности. В целом развитие датского конкурентного капитализма опиралось на сильные эгалитаристские тенденции и массовое участие. Уже в конце XIX столетия началось интенсивное развитие кооперативного

движения в сельском хозяйстве, основой управления стал принцип «один человек – один голос», а не доля внесенного имущества. Этому способствовали элементы идеологии опоры на собственные силы – важный элемент в датской политической культуре.

Таким образом, условия для формирования национального государства и демократизации в Дании были исключительно удачными. Преимущество, гомогенность, священники, чьим призванием было распространение грамотности, участие множества крестьян в децентрализованном управлении обществом, рыночная экономика, меритократически сориентированная, практически некоррупцированная бюрократия, пользующиеся доверием суды и сильный гражданский контроль над военными – все было противоположно тому, что наблюдалось в Восточной Европе и в России.

Само абсолютистское государство постепенно поощряло свободу ассоциаций, составлявших гражданское общество. Уже к 1848 г. 73 % мужчин старше 30 лет имели право голоса. Даже германская оккупация в период Второй мировой войны не нарушила особого статуса Дании. В ней действовала собственная администрация, и статус оккупации был установлен на основании переговоров между двумя министрами иностранных дел. После окончания войны развернулось движение за большую открытость в управлении. В 1953 г. в Конституцию страны был внесен ряд изменений: введен институт омбудсмана, двухпалатный парламент превратился в однопалатный, упростилась процедура референдумов и т. д. Тем не менее две трети конституции 1849 г. остались без изменений.

В связи с этим встает важный вопрос о временном факторе демократизации. По сравнению со странами Восточной Европы после 1989 г., Дания прошла более длительный и стадийный путь демократизации. В Восточной Европе совпадение во времени трех фундаментальных процессов – разрешение межнациональных конфликтов, регулирование резкой экономической поляризации и неравенства в процессе формирования национального государства, а также переход к капиталистической рыночной экономике («тройственный транзит») – может поставить под вопрос проблему демократизации. На этом фоне у Дании, бесспорно, были значительно лучшие условия для консолидации политического сообщества. Практика транзитных обществ позволяет сделать вывод о том, что правы исследовательницы А. Гжимела-Буссе и П. Лонж, писавшие в одной из своих статей, что «чем быстрее трансформация, тем больше потенциальная роль норм, практик и понимания, унаследованного от прошлого при формировании решений элиты» [2, р. 529].

Особые проблемы возникают в связи с развитием так называемых мировых государств, стремящихся обрести собственную идентичность. Такие нации могут рассматриваться в качестве «политических» как минимум в двух смыслах. Во-первых, во многих случаях они обретают свою государственность только в результате борьбы против колониального господства. Как следствие, их наци-

ональная идентичность находится обычно под сильным влиянием объединяющего стремления к обретению национальной независимости. Национализм в этом случае приобретает форму антиколониализма и носит, по крайней мере в первые годы после обретения независимости, ярко выраженный постколониальный характер. Во-вторых, освободившиеся государства, как правило, сохраняют территориальные границы, доставшиеся им в наследство от колониального периода. Это особенно типично для Африки, где новые государства часто становятся крайне диверсифицированными, объединяя широкий спектр этнических, религиозных и региональных групп, связанных между собой лишь немногим большим, нежели общее колониальное прошлое. В результате этого многие африканские «нации» отличаются крайней религиозно-этнической раздробленностью при несовпадающих социальных интересах. Например, в Нигерии проживает 250 племен. Для таких стран гражданские войны оказываются обычной практикой. Одна из ожесточенных гражданских войн в Нигерии продолжалась около трех лет, когда живущие на востоке страны племена Ибо попытались выйти из состава страны и создать собственное независимое государство Биафра.

Некоторые формы национализма носят жестко антилиберальный и нетерпимый характер. Такой эксклюзивный национализм, как правило, представляет собой ответ на реальную или перцептивную угрозу извне или изнутри, провоцирующую обостренное чувство единства и часто находит свое выражение во враждебности по отношению к другим нациям. Интегрированность нации может быть подвергнута множеству вызовов, включая быстрое социально-экономическое развитие; фундаментальные реформы, к которым общество может быть неготовым; политическую нестабильность; конкуренцию внутри общества между разными группами, переходящую в конфликт; массовую иммиграцию; быстрый рост военной мощи соседних государств. В подобных случаях национализм предлагает образ упорядоченного, безопасного и единого сообщества. Такой национализм неизбежно отрицает принципы либеральной демократии и обычно ассоциируется с авторитаризмом.

Либерализм предполагает совершенно иную форму национализма, традиционно утверждая, что национализм – это толерантная и демократическая по своему характеру идеология, хорошо сочетающаяся с международным миром и космополитизмом. С начала XIX столетия такие мыслители, как Ричард Кобден и Джон Брайт, а также другие либералы, принадлежавшие к так называемой манчестерской группе, выступали за свободу торговли на том основании, что она будет способствовать взаимопониманию на международном уровне, что в конце концов сделает войну в принципе невозможной. Либералы, таким образом, полагают, что если главная цель национализма будет достигнута и каждая нация станет самоуправляющимся единством, основная причина международного конфликта будет устранена: у национальных государств не будет стимула

воевать друг с другом. Культурное и этническое своеобразие, по их мнению, не только не угрожает национальному единству, но и обогащает жизнь общества и способствует взаимопониманию людей.

Либералы и социалисты соглашались с тем, что космополитизм подвергает сомнению идею нации как естественного, природного единства. Они привержены разным формам интернационализма, предполагающего, что политическая деятельность в конечном счете будет организована в интересах всего человечества, а не отдельных наций. Эти убеждения опираются на положение об универсальной природе человека, преодолевающей лингвистические, территориальные, этнические и национальные границы. Сейчас же приходится констатировать, что в контексте глобализации наднациональные формы политической ассоциации будут играть все более важную и легитимную роль. Важнейшими детерминантами этой роли становятся прогресс в развитии техники вооружений, прогрессирующая интернационализация экономической жизни и растущее понимание того, что само выживание, сохранение человечества зависят от поддержания глобального экологического баланса.

Простое применение национального суверенитета предполагает, что каждая нация должна быть полностью независимой. Следствием этого становится анархический мировой порядок. Теоретики классического суверенитета проявляли мало озабоченности относительно опасностей международной анархии, поскольку вооруженные силы в то время, когда они писали свои труды, представляли собой относительно небольшие армии, воевавшие преимущественно друг с другом и отнюдь не обязательно затрагивавшие жизнь населения. Ситуация радикально изменилась именно в период Первой мировой войны. Столкновения армий, насчитывающих благодаря мобилизации несколько миллионов человек, оснащенных относительно совершенным вооружением, включающим танки, отравляющие газы и аэропланы, использованные во время военных действий впервые, привели к гибели 10 млн человек и разрушению значительных территорий по всей Европе. Результатом Первой мировой войны стали попытки установить новый мировой порядок, ограничивающий независимость отдельных национальных государств.

Воплощением этого нового порядка стала Лига Наций, пытавшаяся установить контроль над вооружениями и ростом армий, создав форму для разрешения международных конфликтов через переговоры, поддерживаемые, по крайней мере в теории, способностью накладывать экономические и политические санкции. Следующая серия инициатив завершилась подписанием 65 странами пакта Бриана – Келлога (1928 г.), поставившего войну вне закона, за исключением случая необходимой самообороны.

Вторая мировая война в еще большей степени подтвердила правильность этого пути. Новая эпоха началась с момента первого применения ядерного оружия американцами против японских городов Хиросима и Нагасаки. Планы

по созданию новой международной организации возникли в период войны и завершились подписанием в июне 1945 г. Сан-Францисского договора, одобренного 50 национальными государствами. Устав ООН признает суверенитет каждого государства в легальном смысле, а также право наций на самоопределение. Меры, предпринимавшиеся Советом Безопасности ООН, а также резолюции Генеральной Ассамблеи заложили основы современного международного права. В ядерную эпоху, когда все большее число государств получает доступ к средствам массового уничтожения, анархия независимых и суверенных государств может стать попросту неприемлемой. По мере распространения стремления к собственному суверенитету, грозящему ядерным конфликтом, вопрос о наднациональном суверенитете становится исключительно актуальным.

Перспективы национальных государств в экономическом порядке также весьма сомнительны, поскольку в мировой экономике все более важную роль играют транснациональные корпорации и международная торговля. Подобно тому как в XIX столетии стремление к национальному суверенитету стимулировалось стремлением к расширению национальных рынков, в XX в. устремленность к экономическим преимуществам движет развитием прогрессирующей интернационализации торговли. Международная торговля открывает перспективы взаимной выгоды, поскольку позволяет государствам специализироваться в производстве товаров и услуг, наиболее эффективных для него. После Второй мировой войны систематически предпринимались усилия по развитию международной торговли с помощью Международного валютного фонда, Мирового банка и ВТО. Процесс экономической интеграции в Европе также внес важный вклад в поддержание этой тенденции.

Наконец, многие политологи рассматривают национальное государство как угрозу окружающей среде, т. е. самому существованию человечества. Начиная с 1960-х гг. экологизм показывает, насколько близко человечество подошло к самоуничтожению. Главный принцип экологизма заключается в том, что все живые существа взаимозависимы, создают экосистему, в которой человек занимает важное, но отнюдь не главное место.

Национальный суверенитет допускает, как правило, лишь краткосрочные решения в интересах отдельных народов, не принимая во внимание долгосрочные интересы развития всего человечества. Прогресс в защите человека требует, таким образом, наличия международных и наднациональных институтов, которые в свою очередь могут быть достаточно авторитетны для принятия решений к исполнению, а также лояльны по отношению к самим себе со стороны большинства населения планеты. Иными словами, возникла необходимость в формировании и конструировании мирового сообщества.

Библиографический список

1. *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso. 1983.
2. *Grzymela-Dusse A., Lounge P.J.* Reconceptualizing the State: Lessons from Post-Communism // *Politics and Society*. 2002. Vol.30. N 4.
3. *Knudsen T., Jakobsen U.* The Danish Path to Democracy: Paper for the Second ECPR General Conference. Marburg, 2003.
4. *Ruggie J.* Territoriality and Beyond // *Problematizing Modernity in International Relations* 11 International Organization. 1993. Vol. 47. N 1.
5. *Wilenski H.* Rich Democracies. Berkeley: University of California Press, 2002.